

ЧЕТВЕРГЪ, 2 (1-) ЮЛЯ 1909 ГОДА № 7854

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

3

Знзззз.

Воспоминанія объ А. П. Чеховѣ.

Это было въ концѣ мая 1902 года. Я гостилъ въ Ялтѣ. Въ сущности, я только ночевалъ тамъ, потому что съ 8 ч. утра уѣзжалъ въ горы и возвращался въ 7 ч. вечера, утомленный и восхищенный плѣнительной панорамой Гурзуфа, Оріанды, Алупки, Ай-Петри.

Это время было ознаменовано пребываніемъ на южномъ берегу Крыма великаго писателя земли русской, Льва Толстого, который былъ тогда очень боленъ.

Въ самой Ялтѣ (въ Ауткѣ на своей дачѣ) жилъ Чеховъ. Пользовавшійся въ то время громкой и завидной извѣстностью Максимъ

Горький только что уѣхалъ изъ Ялты. Было много интеллигенціи изъ Петербурга и Москвы. Окрестности кишѣли писателями, художниками, туристами, экскурсантами.

И очень хотѣлъ видѣть Чехова. Кромѣ того у меня было къ нему порученіе отъ одной редакціи. Утромъ 1 іюня я взялъ сѣмяшки и поѣхалъ къ писателю въ Аутку. Когда я остановился у воротъ и отворилъ калитку, то увидѣлъ въ глубинѣ садовъ еще молодого садика Чехова, сидящаго на скамейкѣ. При моемъ приближеніи онъ поднялся и пошелъ ко мнѣ навстрѣчу. Когда я отрекомендовался ему, онъ пригласилъ меня войти въ домъ.

Изъ окна просторнаго кабинета Чехова развѣргивался безподобный видъ на Ялту, на море, на горы и я не могъ удержаться отъ словъ восхищенія передъ этой картиной природы.

— Вамъ это нравится?—спросилъ онъ,—а мнѣ... какъ мнѣ этотъ видъ надѣлъ и вообще вся южная природа. Я не люблю юга. Не люблю его слишкомъ кричащихъ красокъ. Все здѣсь кажется мнѣ поддѣльнымъ, не настоящимъ. Эта яркость неба, моря раздражаетъ и производитъ впечатлѣніе сдѣланнаго изъ фольги. Я живу здѣсь по необходимости. Поправляю себя.

— Вы бывали въ средней Россіи?—продолжалъ Чеховъ. Въ Орловской или Курской губерніи? Природу только тамъ можно обфигинить, гдѣ она не блеститъ, гдѣ она проста. Только тамъ, въ средней Россіи, она говоритъ сердцу. У нея нѣтъ эффектныхъ позъ. А въ затасанной ея грусти, въ ея сѣрыхъ плачущихъ тонахъ гораздо болѣе заключается поэзія, чѣмъ въ этихъ крымскихъ декорацияхъ и бутафоріи.

Начавъ бесѣдой о природѣ, мы постепенно перешли на литературу, искусство, жизнь, коснулись многихъ вопросовъ и темъ,—я пробылъ у Чехова полтора часа,—но все время давала себя знать у Чехова эта первенствующая и главенствующая нога, столь определенно имъ высказанная по отношенію къ слишкомъ яркой природѣ Крыма.

Такъ, когда мы заговорили о литературѣ, онъ особенно любовно остановился на дарованіи Н. А. Бунина и чувствовалась все вре-

мя въ его словахъ объ этомъ писателѣ какая-то особенная къ нему внимательность. Чеховъ, дѣйствительно, его любилъ. Любилъ его описанія русской природы, простоту и ясность его прозы, отсутствіе вычурностей въ стилѣ. Онъ выражалъ свое сожалѣніе и удивленіе по поводу того, что г. Бунинъ не пользуется большой извѣстностью.

Разговоръ само собою коснулся и Максима Горькаго, къ которому Чеховъ относился очень хорошо и которымъ весьма интересовался. Но изъ словъ Чехова о Горькомъ все же нельзя было вывести впечатлѣнія тѣхъ великихъ симпатій, которыя такъ и чувствовалъ, когда Чеховъ говорилъ о г. Бунинѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, здѣсь играла роль слишкомъ большая яркость и солнечность первыхъ вещей Максима Горькаго, въ которыхъ отражалось южное море и горѣло южное солнце.

И еще разъ эта же нота нелюбви къ яркому, къ нашему русскому Провансу, будь это южный берегъ Крыма или Одесса, мелькнула, когда мы заговорили объ искусствѣ. Въ области искусства онъ любилъ образцы вдумчивые, тихіе, сосредоточенные.

Тогда, помню, посѣтила Одессу г-жа Яворская и впервые поставила здѣсь «Три сестры». Я былъ на этомъ спектаклѣ въ нашемъ Городскомъ театрѣ и передалъ Чехову свои впечатлѣнія отъ видѣннаго.

Онъ зналъ г-жу Яворскую и не любилъ ее. И опять такъ, какъ показалось мнѣ, въ силу ея «южности», яркости, того, что въ области природы онъ называлъ «фольгой».

Я никогда не забуду этихъ прекрасныхъ и единственныхъ полутора часовъ, которые я провелъ у Чехова. И вышелъ я отъ него какой-то просвѣтленный. Горы, море, солнце Крыма въ этотъ полдневный часъ особенно ярко сіяли и послѣ бесѣды съ Чеховымъ какъ-то раздражали, казались ненужнымъ блескомъ, ничемнымъ калейдоскопомъ пестрыхъ красокъ, заслоняющимъ глубокія человѣческія мысли и чувства, которыя рождаются безъ блеска, безъ шума и помпы.

Лознгринъ.